

Тан Буфань пришел в себя. Он лежал, ощущая лишь липкий жар и невыносимую, свинцовую тяжесть во всем теле. Попытался открыть глаза, но веки словно налились свинцом, захотел шевельнуться — ни один мускул не дрогнул. Сердце испуганно забилося. Что это? Сонный паралич или он уже на пороге смерти?

Ладно бы сонный паралич, но если это агония... Нет, умирать ему было никак нельзя!

Перед глазами встало лицо Чэнь Фэя, вспомнился далекий дом в двадцать первом веке. Внутри глухо заиграло упрямство. Собрал остатки сил в кулак, Тан Буфань попытался закричать, разом распахнув веки:

— А...

Вывавшийся звук, однако, оказался слабым, похожим на едва слышный комариный писк.

Но даже этого жалкого шороха хватило, чтобы спавший под боком Лу И мгновенно очнулся.

Тут же вспыхнул мягкий свет — Братец Кай поспешил осветить кабину бронемашин.

— Учитель! — Лу И радостно приподнялся на постели. Увидев, что Тан Буфань сквозь пелену слабости действительно приоткрыл глаза, юноша почувствовал, как к горлу подступил ком, а глаза защипало от слез.

— Учитель... — выдохнул он и, не выдержав, бережно прижал его к себе прямо через одеяло.

— Тяжело... — наморщив лоб, с трудом выдавил Тан Буфань. Горло нещадно пересохло, а голос сорвался на хрип.

Лу И тут же спохватился и поспешно отстранился.

Однако даже без чужого веса Тан Буфань задыхался — тяжелое ватное одеяло давило на грудную клетку неподъемной плитой. Он вяло потянулся рукой, пытаясь сбросить его, но пальцы лишь беспомощно скользнули по пододеяльнику. Мышцы совсем одеревенели.

Заметив эти бессильные попытки, Лу И мгновенно все понял. Он приказал Братцу Каю сделать отопление погорячее, а сам бережно стянул плотную ватную ткань пониже, освобождая грудь больного.

Тяжесть наконец отступила, и Тан Буфань глубоко, с облегчением вздохнул.

— Сейчас, я принесу воды, — ласково прошептал Лу И. Он быстро поднялся и поспешил к

кухонной зоне.

Слабость сковала Тан Буфаня настолько, что он не мог даже пошевелить пальцем. Когда Лу И вернулся с кружкой, мужчине пришлось пить с его рук, с трудом делая маленькие глотки.

Теплая влага немного вернула его к жизни. Вскоре Лу И достал из холодильника несколько свежих листьев салата, порвал их на мелкие кусочки и принялся бережно, по одному, отправлять Тан Буфаню в рот.

— Мясо уже размораживается. Чуть позже я схожу наружу и сварю тебе наваристый бульон, — негромко проговорил Лу И.

— Не надо... мяса... — прошелестел Тан Буфань. От одной мысли о мясном запахе к горлу подкатывала тошнота.

— Хорошо, тогда съешь еще зелени. — Помня, как сильно Тан Буфаня рвало в беспамятстве, Лу И не стал настаивать.

Хоть сознание и вернулось к Тан Буфаню, непреодолимая дремота все еще тянула его обратно в небытие. Пережевывая хрустящий лист, он непроизвольно привалился к плечу Лу И и вновь смежил веки.

Лу И не на шутку встревожился — состояние наставника оставалось загадкой. Боясь, что тот опять провалится в беспамятство, юноша принялся легонько похлопывать его по щекам. Тан Буфань послушно приподнимал голову, приоткрывал глаза и продолжал лениво жевать.

В такой тягучей полудреме они провели больше получаса, пока несколько салатных листьев наконец не были съедены.

— Лу И, дай Сяо Тану поспать, — мягким электронным баритоном посоветовал Братец Кай. — Похоже, он перенес кризис и идет на поправку. Ему просто нужны силы.

Лу И и сам понимал, что не стоит мучить наставника. Спустившись на пол, он принялся рыться в медицинской аптечке.

— Учитель, примите жаропонижающее, а потом сразу ложитесь спать, — тихо уговаривал Лу И, поднося белую таблетку к сухим губам. — Пожалуйста, откройте ротик.

В полусознательном состоянии Тан Буфань приоткрыл рот и случайно втянул вместе с лекарством кончики пальцев Лу И. Горячая подушечка скользнула по влажному, податливому языку. Сердце Лу И пропустило удар — это мимолетное прикосновение отозвалось в груди щемящей, сладкой дрожью. Какой же он нежный...

Проглотив лекарство, Тан Буфань мгновенно провалился в глубокий сон. Лу И приложил ладонь к его лбу — кожа под пальцами заметно остыла. Лишь после этого юноша смог наконец перевести дыхание.

Тан Буфань проспал до самого полудня следующего дня. На этот раз он очнулся куда более бодрым и даже согласился выпить немного теплого мясного бульона.

— Позже нужно будет принять отвар, — Лу И мягко промокнул полотенцем влажные губы наставника.

Последние три ампулы антидота он вколол Тан Буфаню, пока тот метался в бреду. Теперь их единственным спасением оставался лишь тот самый холщовый мешок с сушеными травами от старейшины Вана.

Прислонившись к крепкому плечу юноши, Тан Буфань едва слышно спросил:

— Сколько дней я пробыл без сознания?

— Девять. Девять дней, включая сегодняшний.

Тан Буфань нахмурился — он и подумать не мог, что выпал из жизни на столь долгий срок. Слабо приподняв голову, он потянулся вверх и сонной лаской коснулся губами подбородка Лу И.

— Спасибо тебе.

Лу И оцепенел. В следующую секунду его благородное, красивое лицо вспыхнуло пунцовым румянцем. Он судорожно опустил взгляд на мужчину, но тот уже спал, мирно прикрыв веки.

Лу И шумно сглотнул, сокрушенно подумав, что у учителя, должно быть, просто помутился рассудок на фоне лихорадки.

Осторожно уложив Тан Буфана на подушки, он с непривычной легкостью на сердце выбрался наружу, чтобы развести огонь и заняться выделкой лисьих шкур.

Раз уж наставник жаловался на невыносимую тяжесть, дело явно было в старом, свалявшемся ватном одеяле. Лу И твердо решил смастерить для него новое — невесомое, но очень теплое, подбитое пушистым мехом.

— Очухался твой болезный? — подал голос Андерсон.

Он лениво развалился в глубине небольшого грота, устроив голову на пушистой медвежьей шкуре и закинув ногу на ногу. Его узкие, лисьи глаза насмешливо косились на Лу И, сидевшего у огня.

— Да, — коротко бросил тот. Настроение было прекрасным, поэтому и ответил он непривычно мягко.

— То-то я гляжу, сидишь тут и лыбишься как блаженный, — с неприкрытым презрением фыркнул Андерсон. — И вот это недоразумение собирается унаследовать власть в Западной Федерации? Жалкое зрелище.

— Мне это не нужно, — Лу И непроизвольно коснулся ладонью щеки, действительно не замечая, что улыбается. Спешно вернув лицу бесстрастное выражение, он упрямо добавил: — Я уйду вместе с наставником. Мы будем странствовать по свету.

— «Я уйду вместе с наставником, мы будем странствовать по свету...» — ядовито перекинул его Андерсон, кривляясь и закатывая глаза. На его губах заиграла холодная усмешка: — Раскатал губу, придурок. Он тебе до сих пор даже код от своего ошейника не сказал, а ты уже расписал вашу счастливую совместную жизнь.

Лу И замер. Хорошее настроение испарилось без следа.

Но Андерсон, черт бы его побрал, был прав. Ему действительно нужно было выведать пароль от кодового ошейника — хотя бы ради того, чтобы спасти Тан Буфаня, если тот снова впадет в кому.

Всю следующую неделю, поднося наставнику миску с едой или чашку с горьким отваром, Лу И то и дело бросал красноречивые взгляды на его шею, но каждый раз осекался, не решаясь начать разговор.

Благодаря неустанной заботе Лу И жар наконец спал. Тан Буфань перестал круглосуточно дремать и уже мог самостоятельно сидеть на постели, однако тремор рук вернулся, став еще более выраженным.

Синтезированный токсичными людьми антидот превосходно унимал эту дрожь, но ампулы закончились. Теперь оставалось полагаться лишь на травяные сборы старейшины Вана.

"Хоть бы этого хватило, чтобы добраться до Подземного города Восточного округа..."

Облаченный в объемный пуховик, Тан Буфань сидел перед складным столиком. Сердце сжималось от глухой тревоги, а пальцы, пытавшиеся удержать ложку, мелко и непрерывно дрожали.

— Позволь, я помогу, — Лу И, только что закончивший готовить, опустился на сиденье напротив и мягко забрал у него ложку.

Он зачерпнул немного наваристого супа с мясным фаршем, осторожно подул на него и, убедившись, что бульон остыл, поднес к сухим губам наставника.

Тан Буфань ушам своим не верил от смущения, но с такой дрожью в руках он бы просто расплескал весь бульон. Смирив гордость, он послушно приоткрыл рот, принимая заботу.

Воспаленное горло отзывалось резкой болью при каждом глотке, поэтому ел он медленно. Лу И не подгонял его, терпеливо выжидая каждую паузу.

Видя, что наставник заметно окреп, Лу И вновь вернулся к прежним мыслям. Его взгляд то и дело опускался к серебряному кодовому ошейнику на шее Тан Буфани.

Внутри все сжималось от нерешительности — он никак не мог подобрать правильные слова.

— О чем ты задумался? — Тан Буфань мгновенно считал его неловкое молчание.

Немного помешкав, Лу И наконец набрался смелости:

— Учитель... Ты можешь назвать мне код от ошейника?

Тан Буфань растерялся. Пальцы его невольно взлетели к шее, коснувшись холодного ободка.

— Зачем тебе это знать? — спросил он с легким недоумением.

Лу И отвел взгляд, поспешно оправдываясь:

— На всякий случай... Вдруг ты снова впадешь в беспамятство...

— Никаких «вдруг» не будет, — мягко, но непреклонно прервал его Тан Буфань.

У Лу И болезненно сжалось сердце. Он поднял глаза на мужчину, пораженный его безапелляционным тоном.

Тан Буфань догадывался, о чем тот думает. Тихо и устало вздохнув, он прислонился плечом к холодному стеклу окна.

— Я знаю, что медленно умираю, но цепляться за жизнь любой ценой — не моя цель, —

негромко заговорил Тан Буфань. — Я так отчаянно ищу Доктора лишь потому, что он — мой единственный шанс вернуться назад. Я обязан дать ответы бабушке мальчика, отчитаться перед руководством школы... Даже если самого ребенка уже нет в живых.

Тан Буфань поджал губы:

— А если я превращусь в полузверолодя, то потеряю всякую надежду на возвращение. Меня ведь даже в Подземный город не пустят.

— Но после смерти не останется вообще ничего! — Лу И с мольбой посмотрел на него, отчаянно пытаясь переубедить этого упряма. — Если ты выживешь, пусть даже полузверолодем, у тебя хотя бы будет время отыскать ответы!

"И ты сможешь остаться со мной..."

Эти слова так и застряли у Лу И в горле.

— Но такая жизнь принесет мне лишь невыносимые страдания, — мягко возразил Тан Буфань. — Я знаю, что ты желаешь мне добра. Но именно человеческий облик дарует мне надежду. Каждый раз, закрывая глаза, я могу засыпать с мыслью о доме. Пожалуйста, не лишай меня этой веры.

Лу И оцепенел. Ледяной холод сковал его тело, лишив дара речи.

Они сидели друг напротив друга в гнетущем молчании. Мясной суп в тарелке уже остыл, но у Лу И пропало всякое желание продолжать кормить наставника.

Опустив голову, он уставился в пол. В памяти всплыло то, как Тан Буфань метался в бреду, раз за разом выкликая имя Чэнь Фэя. Почему именно его, а не его, Лу И?

Неужели мертвые действительно важнее тех, кто дышит и находится рядом?

В груди поднялась темная, незнакомая волна, сковавшая легкие. Лу И никогда прежде не испытывал ничего подобного. Лишь спустя мгновение он понял, что это было — горькое, уязвленное нежелание мириться с поражением.

— Но... — горло сдавил спазм, и голос Лу И упал до едва различимого шепота. Он поднял покрасневшие глаза на мужчину: — Я ведь просто хочу быть с тобой.

Тан Буфань онемел от неожиданности.

Это... признание в любви? Тан Буфань почувствовал, как к щекам прилила горячая кровь, а сердце испуганно забилося в груди. Кадык судорожно дернулся. На долю секунды в мыслях расцвели хрупкие, невозможные картины совместного счастья... но он тут же безжалостно изгнал их прочь.

Ему необходимо оставаться хладнокровным.

На его плечах все еще лежал тяжелый груз — долг за оборванную детскую жизнь. В душе воцарилась удушливая, серая тоска: он не имел права жить нормальной жизнью, любить и принимать чужую любовь. К тому же...

Тан Буфань скользнул взглядом по лицу сидящего напротив юноши — невероятно красивого, знатного молодого зверюда. Они были слишком разными. Они попросту не подходили друг другу.

— Глупенький... — с мягкой горечью сорвалось с губ Тан Буфани.

Лу И вздрогнул. От этого тихого слова его сердце ухнуло в бездонную пропасть.

— Глупенький?... Что это значит? — прошептал он.

— Это значит то, что значит, — Тан Буфань смотрел на него со сложной смесью чувств.

— Я не понимаю, — сипло выдавил Лу И.

Тан Буфань не выдержал. Преодолев разделявшее их расстояние, он протянул руку через узкий стол и бережно коснулся кончиками пальцев его повлажневших век. В его взгляде читалась безмерная нежность наполовину с тихой жалостью.

— Ты ведь такой умный, Лу И. Ты все прекрасно понимаешь.

"Какой же ты хитрый..."

Обиженно подумал Лу И, задетый этим уклончивым, туманным ответом.

Они замерли, глядя друг другу в глаза, как вдруг снаружи донесся нарастающий гул. Это был тяжелый, утробный топот множества лап, напоминающий грохот гигантских боевых барабанов. Звук приближался с бешеной скоростью.

Оба резко обернулись к окну. В ту же секунду пол под их ногами ощутимо содрогнулся, а

подвешенный под потолком колокольчик тревожно зазвенел.

Эта дрожь... Этот гул...

— Звериный прилив! — Лу И рванулся с места, и вся нежность мгновенно испарилась. Он лихорадочно бросил наставнику: — Учитель, ни в коем случае не выходи! Я сейчас вернусь!

Не дожидаясь ответа, он пулей вылетел наружу. Но стоило тяжелой двери за ним захлопнуться, как раздался резкий, пугающий хруст.

Тан Буфань испуганно обернулся на звук. Прямо по обшивке, на глазах покрываясь плотным слоем изморози, стремительно расползлся лед. Холодные узоры за пару секунд затянули стены и потолок. Вся бронемашина оказалась закована в ледяной панцирь.

Температура в жилом отсеке упала до нулевой отметки в мгновение ока.

<http://bllate.org/book/19039/2003682>